

Источник: Вехи Таганрога

Дата выпуска: 2016

Номер выпуска: 65-66

Заглавие: Строгая любовь

Автор: Б. М. Слуцкий

Искал на днях в Интернете информацию о школе М 16. Окончил ее в 1959 году. Поисковик выложил сайты с историей школы, ее успехами, достижениями, составом педагогического коллектива, списком директоров... Но это не моя школа! Нашу, 16-ю, упразднили, номер присвоили другой. Честь и хвала ей, а вот за свою - обидно. Что ж, пришлось восстановить в памяти школьные годы, помянуть добрым словом наших учителей. Право, они этого заслужили.

Сначала - о самой школе. Размещалась она на Банковской площади (теперь там таможня), была мужской. Послевоенные годы. В классе - переростки, «трудные» ребята. Все одеты в чем попало, как правило, донашивали отцовское. Не помню, чтобы кто-то явился в обновке. Хотя мне, например, справили пальтишко из старой шинели, что вызвало не зависть, а удивление. «Ты что - сын полка?» - ехидничали ребята.

Кстати, о зависти. Как-то пришел на урок обладатель наручных часов. Вертелся за партой и так, и сяк - мол, смотрите, какие у меня часики. Трофейные! Иван Михайлович Карапетян, завуч, выставил его из класса: «Ты нам мешаешь!». А после занятий подозвал и втолковал, что негоже хвастаться тем, чего у товарищей нет. Когда школу перевели на улицу Ленина (сейчас в этом здании институт экономики и права), сделали смешанной, мы впервые увидели в своем классе девочек в коричневых платьицах с белыми передничками, а некоторых новичков - с часами (время было другое, стали жить лучше), тогда и наш приятель пришел со своими «трофейными».

В нашей школе издавна заведены строгие порядки. У входа в гардеробную встречал в человеческий рост щит с «Правилами поведения учащегося». Входить в помещение надлежит без головного убора. Здороваться со старшими первыми. Уступать взрослым место в общественном транспорте. Одежда должна быть скромной. На переменах не шуметь, не толкаться, на уроках строго соблюдать дисциплину.

Помню такой эпизод. Отправились мы в летний день с одноклассником Олегом Гончаровым покупать на «Каменку». Оделся наскоро: желтая майка, синее трико, красные тапочки, зеленая с оранжевым узором тюбетейка. Шли мимо школы. Нам навстречу - директор Сара Исаевна Пинчук. Мы поздоровались, хотели двинуться дальше. «Погоди-ка, - остановила меня директор, - зачем так вырядился?». «Так торопился я! Олег позвал, ждать не захотел». «Знаешь ты кто? Попугай. Какая безвкусица! Быстро домой переодеваться! Зайдешь - посмотрю на тебя». Пришлось возвращаться, искать другую одежду, идти на смотрины в кабинет директора. «Ну вот, совсем другое дело. Запомни: никогда не позорь школу!».

На таких мелочах строилось нравственное воспитание. Я бы назвал его строгой любовью. Уже старшеклассником сочинил «Посвящение учителю». Начинались стихи строчкой «Вы казались немного суровой». Имел в виду математика Киру Георгиевну Дуденко из династии заслуженных учителей Шаролаповых. Она и впрямь была строгой. Особенно к нам, более склонным к гуманитарным дисциплинам, нежели к математике. Буду честен - предмет мне давался нелегко. Кира Георгиевна, ставя мне очередной «неуд», замечала: «Повторяю: математиком можешь не быть, логично мыслить обязан». Мало-помалу с ее помощью освоил алгебру, геометрию и больше всего ценю улыбку Киры Георгиевны: «Вот видишь, терпение и труд все перетрут».

«Вы казались немного суровой»... С этими стихами я попал на областной конкурс детского художественного творчества. Чтобы с достоинством представлять родную школу и

Таганрог, попросил режиссера театра имени А. П. Чехова Б.О. Потика помочь «выразительно» прочитать стихотворение. Борис Осипович отметил ключевые слова, указал, где какая нужна пауза, потом спросил: «Ты посвятил стихи реальному человеку?». «Да». «Вот и чудненько! Читай, прямо обращаясь к любимому учителю. Старайся, чтобы он тебя услышал. Попробуем?». Попробовали - получилось! Очень волновался перед выступлением в ростовском Дворце пионеров. Но, выйдя на сцену, мысленно обратился к всегда строгой и редко улыбчивой Кире Георгиевне. Меня уже не смущали переполненный зал, именитые члены жюри, яркий свет рампы. Я видел перед собой только ее и страстно желал, чтобы она меня услышала. Наверное, со стороны выглядел комично: к кому-то протягивал руки, кого-то звал. Но в зале не раздался ни один смешок. «Вы казались немного суровой»... Эти стихи мне помогала довести до ума наш классный руководитель, преподаватель русского языка и литературы Анна Николаевна Козаченко. Вместе подбирали нужную рифму, проверяли ритмику, безжалостно меняли один эпитет на другой. Честно скажу: несмотря на все наши старания, стихи получились слабенькие. Ну, не наделила природа поэтическим даром! Я перестал баловаться стихосложением. Но вкус к хорошей поэзии не утратил.

Спустя годы на одном из традиционных вечеров выпускников школы Анна Николаевна обратилась ко мне с неожиданным вопросом: «Скажи, кому посвятил стихи?». «Вам, Анна Николаевна, вам!». Она удивилась: «Да что же? Разве я была суровой?». «Немного суровой. Точнее - со строгой любовью к нам. За что великое спасибо!». Почувствовал, что мой ответ был ей приятен. Хотя слухавил. Но в остальном - чистая правда!

Анна Николаевна была прекрасным педагогом. Ее уроки литературы потрясали удивительными рассказами о жизни и творчестве писателей, поэтов. Она находила такие эпизоды, которые в буквальном смысле оживляли образы великих творцов. И что особенно ценно в ее искусстве преподавания: из каждой биографии, из каждого произведения она делала свои особенные выводы, соотнося их с вековыми нравственными ценностями. Не в сюжете, интриге и злобе дня все дело, убеждала она, они, разумеется, важны, а в том, чему учит автор, к чему призывает. «Как слово наше отзовется...».

И когда мы готовились к сочинению на заданную тему, она просила прочитать дополнительную литературу. И требовала не пересказывать учебники, а излагать собственные мысли. «Желательно, чтобы их было как можно больше». Мы мчались в «чеховку», обкладывались фолиантами увесистых книг, проглатывали страницу за страницей. Так росла тяга к чтению - самая благородная страсть! Рождались мысли, «непричесанные», но свои.

Она умела сочетать преподавание с классным руководством. Наш класс славился в школе концертами, репризами, спектаклями. В одном из них я по совету Анны Николаевны исполнил роль Володи Ульянова. «Не выговаривай текст, думай, проживи в образе. Почитай о семье Ульяновых, многое поймешь». И так - с каждым «артистом».

Мы все любили ее, ждали с нетерпением уроков литературы, тщательно готовились к ним. Не помню ни одного случая списывания. Сопели, пыхтели, черкали, перечеркивали, но выкладывали на ее стол свое, родное.

Вот Анна Николаевна берет одну за другой тетради, листает. Мы с замиранием ждем. В глубокой тишине слышим «приговор». Получается, что у каждого - удача. Разве только один не раскрыл то, другой это, а вот - неряшливость в оформлении, здесь - интересные мысли подпорчены грамматическими ошибками...

Анна Николаевна не по своей воле причинила мне страдания. Нет, это «не мильон терзаний» Чацкого, а обычные, характерные для юноши, «обдумывающего житье». Дело в том, что я увлекся химией, причем не физической, а органической. Преподавал нам ее Арон Исаакович Горелик, человек ироничный, острый на язык, но ума - палата. Он так увлеченно рассказывал о технологии нефтепереработки, о производстве маргарина, синтетических смол, о немислимых хитросплетениях цепочек сложных органических соединений («а вот жиры

похожи на дрова!»), что я загорелся идеей поступать на химфак. Долго колебался между литературой и химией, пока не определился окончательно: идти по стопам Анны Николаевны.

На историко-филологическом факультете университета сделал для себя открытие. Знакомясь с методикой преподавания литературы в школе, все больше осознавал, что Анна Николаевна преподносила нам литературу не совсем так, как требовала официальная наука. Она уходила от схем, стремилась к тому, чтобы учащиеся не только узнавали и запоминали факты истории литературы, но, что гораздо важнее, понимали суть творчества, его причины и следствия, много раз напоминала нам: биографии писателей лишь частично раскрывают тайны магии художественного слова, куда важнее ощутить живую душу поэзии и прозы.

О наших учителях 16-й школы можно рассказывать бесконечно. Преподаватель логики Владимир Моисеевич Норглик (жаль, такой дисциплины нет в современных школах), учитель истории Екатерина Ивановна Трунова, бессменный физрук Петр Максимович Нецветаев и многие другие, как и три педагога, которым я уделил больше внимания, - разные люди. Но благодаря своей неодинаковости они сообща лепили из сырого материала личность, каждый добавляя свое. Труд, прямо скажем, тяжкий. Спасибо им за суровую любовь к своим питомцам!